Я пойду ли молоденька, во всю темну ночь гуляти,
Во всю темну ночь гуляти, своего друга искати.
Я нашла свово милова в зеленом саду под грушей.
Ахти, горе горевати, на кого буду сказати?
Ты не сказывай, девица, на купчика молодого,
Ты скажи, скажи, девица, на сержанта полевого.
Если спросят о сержанте, ты скажи, он во походе,
Ты скажи, он во походе, да на шведской на границе.
Во горнице во светлице молодой тут писарь пишет
Перед ним стоит девица, свои белы руки ломит,
Свои белы руки ломит, горячие слезы ронит,
В колыбелюшке девица дитя малое качает:
Ты баю, баю, дитятя, баю, милое, родное,
За тобою, за дитятей, вся гульба моя пропала,
Вся гульба моя пропала, я от купчиков отстала.

7

В песенниках Чулкова и Львова мы только один раз («Девушки вино курили» Чулк. I, № 189) встречаемся с сатирическим изображением гостиного сына. Наоборот, «купчик молодой» почти всегда фигурирует, как отрицательное явление. Песня идеализирует предприимчивую подвижную жизнь купцов-мореплавателей, купцов, разъезжающих по судоходным рекам, владельцев кораблей и насадов. Из них выходили колонизаторы, завоеватели новых рынков. Водная стихия почти необходимый тон для своеобразной купеческой романтики. Наоборот, оседлая городская жизнь купцов, сидящих по своим лавкам, кажется лишенной поэтических красок и не возбуждает воображения. Неожиданные встречи и приключения разнообразят жизнь купца разъезжающего. Купец оседлый осужден на более однообразную жизнь. Семейная жизнь купца-путешественника складывается не так, как у оседлого. Жена с мужем в частых и продолжительных разлуках. Недаром в песне «Во поле, поле трава да мурава» (Чулк. III, № 82), молодая вдова, размышляя за кого ей выйти замуж, кого из соискателей предпочесть, предпочитает гостиному сыну скомороха:

Сватался за вдовушку гостиный сын с Москвы,
Сказывал житье, бытье насад да корабль.
Думаю, подумаю, нейду я за него,